

Л

ето 1830 года в России выдалось знойное и засушливое, что явилось причиной многих несчастий. В одних губерниях случился неурожай. В других — пропели красные петухи, озарив огненными облаками небосклоны. К этим страшным бедам добавилась новая страшная напасть — эпидемия холеры. Болезнь, словно пожар, вспыхнула в Оренбурге, перекинулась на Астрахань, а дальше, через степи, унося на своем пути десятки тысяч жертв, в сентябре пожаловала в Москву.

Первопрестольная выглядела мрачной и напоминала осажденный город. Большинство улиц было окутано густым въедливым дымом, от которого слезились глаза и тяжело было дышать. Жители жгли во дворах опавшую листву деревьев. Кто-то пустил слух, что именно дым убивает смертельную заразу. Горожане в это верили и чуть ли не круглые сутки палили костры. Но чуда не происходило. Холера без разбору заражала и старых, и молодых. Головокружение, понос, сильная рвота, обезвоживание организма быстро вели к тому, что здоровый и крепкий человек чуть ли не в одночасье терял силы и вскорости умирал.

Присутственные места были закрыты, всякого рода публичные увеселения запрещены, торговля приостановлена. Прежде оживленные улицы практически обезлюдели. На них мож-

но было встретить лишь полицейских, сопровождавших окрашенные в белый цвет кареты с больными и черные повозки с покойниками. Редкие прохожие в страхе шарахались от этих траурных кавалькад, прятались в ближних подворотнях.

В церквах духовенство беспрестанно служило молебны об изгнании проклятой заразы, священники с хоругвями обходили свои приходы. Над Москвой тягуче плыл несмолкаемый скорбный звон колоколов. Новодевичье, Рогожское, Ваганьковское и другие кладбища не успевали расселять жертв незваной гостии.

Ко всему прочему город опоясали армейские караулы. Солдаты круглые сутки несли охрану и стреляли без всякого предупреждения в тех, кто пытался тайком проникнуть в Москву или выбраться из нее. Был случай, когда часовой, не раздумывая, пристрелил дьякона, пытавшегося вплавь через реку пробраться в Златоглаву.

В конце сентября закрыли Московский императорский университет. Своекоштный студент словесного отделения Николай Станкевич, высокий, стройный, красивый юноша с длинными вьющимися волосами, со светлым взором, семнадцати лет от роду, покинул Москву, как только отменили занятия. В первых числах октября он уже был в Воронежской губернии. Там, среди степных ковыльных просторов и меловых круч, в селе Удеревке, находилось имение его отца — отставного поручика Владимира Ивановича Станкевича.

Незапланированные вакации Николенька, как звали его родные, проводил с пользой для дела. Он много читал, писал стихи, занимался музыкой. Правда и то, что наш герой любил побродить с ружьишкой и любимой собакой Дианой по окрестным полям и лесочкам.

В тот октябрьский день Станкевич, как обычно, попив с утра кофею, пошел в свою комнату заниматься. Еще с вечера он положил на стол сборники стихов Жуковского и Шиллера. Но едва Станкевич сел за стол и открыл томик Шиллера, как в комнате резко потемнело. Он резко встал и выглянул в окно. Низкие хмурые тучи, чем-то похожие на кучерявые казачьи папахи, повисли на верхушках деревьев отцовского сада. А потом с них повалил крупными хлопьями снег, все больше и больше застилая белым покрывалом землю.

Снегопад не прекращался почти целый день, из-за чего Станкевичу пришлось работать при свечах. Приходивший их зажигать слуга Иван сообщил, что погода прямо-таки взбесилась.

— Из-за сильного снегопада прасолы, которые гнали скот вашему батюшке, заплутали в степи, — доложил слуга. — Спасибо господу-спасителю, что наши мужики оказались рядом, вывели их из Холодного яра к имению. Малый среди них есть. Лексеем кличут. Тебе ровня, Николенька. Он за вызволение пел мужикам песни свои... Да и я их послушал. Уж больно они складные, за душу хватают. Я не слыхал таких раньше...

— Что ж это за соловей в наших палестинах объявился?! — отложив в сторону книгу, с улыбкой сказал Станкевич. — А ну-ка приведи этого молодца ко мне...

— Пулей доставлю! — на военный лад отчеканил слуга и мигом скрылся за дверью.

Вскоре камердинер привел малорослого коренастого юношу со скуластым лицом и с очень пытливым, наблюдательным взглядом. При виде молодого барина прасол низко поклонился. От нахлынувшего волнения гость покраснел, не зная, что и сказать.

— Ну, давай, давай, знакомиться, — Станкевич шагнул навстречу, приветливо протягивая гостю руку. — Знаю, что Алексеем величают, а по батюшке-то как?

— Ваа-сии-льевичеем, — слегка заикаясь, ответил прасол. — Кольцовы мы...

Простой в общении и добрый по натуре, Станкевич сразу расположил Алексея к себе, усадил в кресло напротив.

— Читай, не стесняйся, — обратился к нему Станкевич. — Я ведь и сам стихоблудничаю...

Тут же продекламировал четверостишие:

Ночь темна, снег валит,
Ветер по полю шумит;
Приунылая беседа
В даль пустынную глядит.

— Это про нас с тобой, — продолжил Станкевич. — Так что с радостью твои стихи слушаю.

— Эфто мы можем, — кашлянул в кулак прасол.

И он стал читать. Правда, поначалу голос у него плохо слушался, язык будто спотыкался на словах. Но затем речь мало-помалу зазвучала тверже и увереннее. Необычные стихи поразили Станкевича. Подперев ладонью правой руки щеку, он с каким-то ненасытным интересом слушал своего нового знакомого. А тот, преодолев смущение, звучно запел:

Если встречу с тобой
Иль увижу тебя, —
Что за трепет-огонь
Разольется в душе!
Если взглянешь, душа, —
Я горю и дрожу,
И бесчувствен и нем,
Пред тобою стою!
Если молвишь мне что,
Я на речи твои,
На приветы твои,
Что сказать, не сыщу.

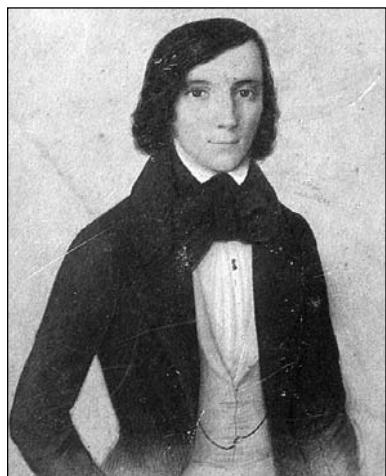
Станкевич три раза к ряду просил Кольцова повторить это стихотворение — так сильно оно ему понравилось. А строки стихов, будто говорливые ручьи, лились и лились из уст прасола:

Скучно и нерадостно
Я провел век юности,
В суетных занятиях
Не видал я красных дней,
Жил в степи с коровами,
Грусть в лугах разгуливал,
По полям с лошадкою
Одно горе мыкивал...

Казалось, комната наполнилась степным разнотравьем, голосами косарей, пением соловьев в утренних перелесках... Прочитав одно, другое, третье стихотворение, Кольцов как-то вопрошающе исподлобья взглянул на Станкевича: мол, читать ли еще? Тот, словно загипнотизированный, одобрительно кивнул головой.

Опять в комнате зашумела рожь, завжикали косы, брызнули серебром росы и загремели июльские громы...

— Алексей, а где у тебя все это записано? — поинтересовался Станкевич, когда Кольцов закончил читать очередное стихотворение. — Где тетрадки твои?

Николай Станкевич

Алексей Кольцов

— Тетрадки всегда при мне, с собой вожу, в сумке седельной.

— С собой возишь?

— Эфто надежнее, — ответил Кольцов. — Давеча дома забыл одну, так мои каракули тут же на растопку печки пустили...

— Как на растопку?! — удивился Станкевич. — Стихи? Такие прекрасные стихи в печку?!

...Их беседа затянулась чуть ли не на всю ночь. Кольцов поведал историю о том, как однажды он ночевал с гуртом в степи. Ночь была темная-претемная и такая стояла чистая тишина, что слышался шелест травы, небо было тоже темное, высокое, с яркими мигающими звездами.

— Мне тогда не спалось, я лежал и смотрел на небо, — вспоминал прасол. — Вдруг в голове стали слагаться стихи. До этого у меня постоянно

вертелись отрывочные, без связи рифмы, а тут приняли определенную форму. Я вскочил на ноги в каком-то лихорадочном состоянии, чтобы удостовериться, что это не сон. Потом я прочел вслух свои стихи. Странное я испытывал ощущение, прислушиваясь сам к своим стихам...

Расставались они как старые и закадычные друзья.

— Принеси мне свои стихи, я попробую их издать, — сказал Станкевич, подавая на прощание руку и искренне улыбаясь новому знакомцу.

Станкевич сдержал слово. Уже в январе 1831 года в «Литературной газете» было опубликовано первое стихотворение Алексея Кольцова «Перстень». Станкевич сопроводил его коротким предисловием: «Вот стихотворение самородного поэта г. Кольцова. Он воронежский мещанин, и ему не более двадцати лет от роду; нигде не учился и, занятый торговыми делами по поручению отца, пишет часто до рогаю, ночью, сидя верхом на лошади. Познакомьте читателей «Литературной газеты» с его талантом». Ниже был заверстан текст стихотворения:

Я затеплю свечу
Воску ярова,
Распаяю кольцо
Друга милова.
Загорись, разгорись,
Роковой огонь,
Распай, растопи
Чисто золото.
Без него — для меня
Ты ненадобно;
Без него на руке —
Камень на сердце.
Что взгляну — то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горьким горем слез.
Возвратится ли он?
Или весточкой
Оживит ли меня,
Безутешную?

А потом пришло время и первой книжки. Она вышла с благословения Станкевича и на его деньги. Сборник с простым названием «Стихотворения Алексея Кольцова» напечатали в Москве. Книга получилась неброская, точнее брошюра, — всего 40 страниц. Из той самой увесистой тетрадки, пропахшей степными травами и ночными кострами, Станкевич выбрал 18 стихотворений своего литературного крестника, в том числе «Песня старика», «Сестре при посылке стихов», «Удалец» («Мне ли, молодцу разудалому...»), «Великая тайна. Дума», «Люди добрые, скажите», «Вздых на могиле Веневитинова», «Песня» (Ты не пой, соловей), «Первая любовь», «Не шуми ты, рожь», «Путник», «Видение Няяды», «Пирушка русских поселян», «Маленькому брату», «К.Н.» (Опять тоска, опять любовь), «Размышления поселянина», «К другу» (Развеселись, забудь, что было), «Песня пахаря» (Ну! тащися, сивка), «Совет старца».

Не ведал скромный прасол, что благодаря этому тонкому сборнику стихов он станет знаменит. Очень знаменит. Его песни — величавые, как родные степи и поля, звонкие, как церковные колокола, теплые и отзывчивые, как души русских людей, — будет знать и петь вся Россия.

Впрочем, поет и сейчас. Не затерялось на шляхах истории и имя Станкевича — поэта, философа, просветителя. А все началось с ненастного октябрьского дня 1830 года, когда встретились своекоштный студент Московского университета Николай Станкевич и скромный прасол Алексей Кольцов...

